

путо конфискации имущество многих людей, среди которых умерли Македоний, Асклепидот, Фока, сын Кратера, и квестор Фома. Многие этим были сильно напуганы. Император издал указ, чтобы эллины не принимали участия в управлении государством»⁶³.

Как и Прокопий, Малала указывает, что среди эллинов-язычников были представители старой знати, занимающие высокие государственные посты. Позднее, как сообщает Малала, гонения на язычников еще более усилились: арестованные язычники были с позором провезены по столице империи, их книги были сожжены, а также уничтожены изображения и статуи их «нечестивых богов»⁶⁴.

Несколько мягче, чем к эллинам-язычникам, относится Малала к другим еретикам: он сочувствует тому, что по отношению к ним Юстиниан сначала проявил известную умеренность. Сторонники других ересей должны были по приказу императора удалиться из ромейской земли, «впрочем, им была дана отсрочка на 3 месяца для приобщения к истинной вере»⁶⁵. Малала в дальнейшем кратко и сухо сообщает об издании Юстинианом эдикта против ересей: «Был составлен эдикт об истинной вере и против нечестивых еретиков. Он был разослан по церквам каждого города»⁶⁶.

К судьбам сторонников арианской ереси наш хронист совершенно равнодушен. Он лишь мельком сообщает о том, что после побед Велисария в Африке «были сняты церкви от ариан»⁶⁷.

Таким образом, можно высказать предположение, что Иоанн Малала в коренном вопросе церковной политики той эпохи — вопросе взаимоотношения православной церкви и различных еретических течений — внешне придерживается официальной точки зрения. Он открыто враждебен к таким еретическим сектам, как манихеи, весьма неприязнен к самаритянам и иудеям, более равнодушен к гонениям против ариан, ибо западные дела его интересуют меньше и он о них хуже осведомлен. О жгучем же для Востока вопросе взаимоотношений ортодоксов и монофиситов он открыто не говорит, хотя находится в курсе этой борьбы, а порою, быть может, и сочувствует монофиситам, столь сильным и многочисленным в Антиохии. Но открыто выражать свои симпатии к ним он все же не решается.

Различное отношение к отдельным еретическим движениям, нашедшее отражение в хронике Малалы, было, как известно, характерным для всей церковной политики Юстиниана, который был более жесток с ересями радикально-демократического направления и более умерен в отношении ариан и монофиситов⁶⁸.

Надо вместе с тем подчеркнуть, что церковная политика Юстиниана не всегда заслуживает полного и безусловного одобрения хрониста. Так, он недоволен нарушением императором поста⁶⁹ и весьма холодно говорит об эдикте, касающемся расхождения в исповедании веры, по которому, после слияния (объединения) не следует говорить об одной природе Христа, а надо признавать две природы⁷⁰. В данном случае имеется в виду знаменитый эдикт Юстиниана, направленный непосредственно против монофиситов, но в котором сам Юстиниан впал в ересь инкорруптиколов (*incorrupticoles*), ярых противников Севера.

⁶³ *Malal.*, p. 449.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 491.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 449.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 478.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 479.

⁶⁸ «История Византии», т. 1, стр. 273 сл.

⁶⁹ *Malal.*, p. 482: «... В ноябре месяце случилось нарушение поста. Император приказал на второй неделе [поста] продавать мясо. Все мясоторговцы кололи [скот] и продавали его, но никто не ел».

⁷⁰ *Ibid.*, p. 495: «... Καὶ τῷ αὐτῷ μηνὶ προσετέθη ἡδίκτων περὶ τῶν διακρινόμενων ἐν διαφόροις ἐκκλησίαις ὑπο τοῦ αὐτοῦ βασιλείως, ὅτι οὐ χρὴ μετὰ τὴν ἑνώσιον λεγεῖν μίαν φύσιν, ἀλλὰ δύο ὁμολογεῖν».